

ON CULTURAL EXTREMISM AND WAYS TO OVERCOME ITS MANIFESTATION

Magomedemin M. Gadzhiev

Dagestan State University

Makhachkala, Russia

ORCID 0000-0001-9205-3780

E-mail: Gadjiev.dgu@mail.ru

Abstract

Extremism prevention is an essential component of the work in the field of national security of the country. The article reveals some of the main forms of extremism, such as religious-political, ethno-social, economic, pseudoscientific, and others, and provides examples. The main content of the article is devoted to the disclosure of the essence and diversity of manifestations of cultural extremism in the country, especially in the North Caucasus and Dagestan. Numerous concrete examples are given, proving that cultural extremism takes place and sometimes takes on quite acute forms. It is shown that the manifestations of cultural extremism are more difficult to combat, since it manifests itself among more literate and intellectually savvy people and does not have open ideologically organized forms, as in the case of religious and political extremism. The article considers the current law of the Russian Federation and the draft new law on culture, which notes all the mechanisms for overcoming extremism in culture, and which clearly emphasize the primacy of the rights and freedoms of an individual creative personality.

Keywords: extremism; religious and political extremism; cultural extremism; human rights and freedoms; national security; radicalism; North Caucasus; Dagestan

О КУЛЬТУРНОМ ЭКСТРЕМИЗМЕ И ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЙ

Гаджиев Магомедэмин Магомедрасулович

Дагестанский государственный университет

Махачкала, Россия

ORCID 0000-0001-9205-3780

E-mail: Gadjiev.dgu@mail.ru

Аннотация

Стабильное экономическое развитие, своевременная нейтрализация вызовов и угроз является важнейшим условием обеспечения экономической безопасности России и ее регионов. Неравномерность пространственного развития Российской Федерации, усиление дифференциации в развитии регионов отнесены в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года к основным вызовам и угрозам экономической безопасности.

Социально-экономическое развитие регионов Прикаспия характеризуется значительными диспропорциями, что и определило цель исследований. Особое внимание уделено исследованию межрегиональной дифференциации как угрозы экономической безопасности.

Аналитический обзор показателей социально-экономического развития в данных субъектах РФ позволил выявить риски и угрозы экономической безопасности, имеющие различную природу возникновения. Проведенный анализ позволил автору сделать вывод, что при оценке угроз экономической безопасности регионов необходимо учитывать территориальные, отраслевые особенности, полиэтничность и др. Поэтому необходимо значительно расширить количество показателей оценки, дополнив показателями качественного уровня.

Для достижения необходимой объективности, глубины и всесторонности осмысления с учетом реалий современности автором рекомендуется оценивать состояние экономической безопасности в регионах политику ее обеспечения с междисциплинарных позиций, опираясь как на экономическую науку, так и на другие области научного знания.

Ключевые слова: регионы Прикаспия, социо-экономические диспропорции развития, риски и угрозы экономической безопасности.

ВВЕДЕНИЕ

Социальная и духовная безопасность человека связана с гармонизацией его социального и духовного бытия в этом мире, что связано, в том числе, с устранением всех проявлений радикализма и экстремизма, в чем бы они ни проявлялись. Экстремизм в современном мире перестал быть единичным, эпизодическим, экстраординарным явлением и трансформировался в один из радикальных способов решения различных политических, религиозных, этнических и общекультурных проблем и приобрел перманентный статус. Это вытекает из социально-экономической, политической, этнорелигиозной и идеологической ситуации в современном мире, находящемся в системном кризисе, затрагивающем все стороны жизнедеятельности человека.

Одним из приоритетов социальной политики и деятельности в области национальной безопасности Российской Федерации является профилактика экстремизма. На профилактику экстремизма направлено множество основополагающих документов и государственных правовых и законодательных актов⁴⁰.

О НЕКОТОРЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИЗМА

Нам представляется, что в изучении радикализма и экстремизма в сознании и поведении людей в отечественной и зарубежной литературе образовался своеобразный «крен» в сторону одностороннего их понимания, когда изучается преимущественно *этнорелигиозный и религиозно-политический экстремизм*. Конечно, этому есть историческое и логическое оправдание. Действительно, конец XX и начало XXI века характеризуется известными центробежными социально-политическими процессами, связанными с разрушением мировой системы социализма, распадом Югославии, Советского Союза и других стран. «Парад суверенитетов», сопровождающий эти деструктивные процессы, привел к серьезному обострению ситуации внутри вновь образовавшихся государств и на международной арене. Естественно, что в этих условиях конфликтности интересов различных социальных слоев общества этнические и религиозно-политические противоречия выдвигаются на передний план, а экстремизм и радикализм проявляется прежде всего в этих сферах.

Наиболее острые формы религиозно-политический экстремизм принял на Северном Кавказе, поскольку известные военно-политические процессы здесь так или иначе приобретали религиозную окраску и были связаны с исламом. Это связано с тем, что в общественно-политической жизни большинства северокавказских народов религиозный фактор был определяющим, он синтезировал всю полиэтничную культуру и менталитет населения. Именно ислам

⁴⁰ Указ Президента РФ от 31.12.2015 №683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»; Федеральные законы: «О противодействии экстремистской деятельности», от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ; «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», от 28 ноября 2014 г. №Пр-2753; «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ и другие.

выступал в качестве надэтнической матрицы северокавказской идентичности. В этих условиях неудивительно, что именно религия стала основным инструментом консолидации всех народностей, и в том числе для выработки идеологии, оппозиционной официальной власти в стране и регионе.

Аналізу религиозно-политического экстремизма и радикализма в стране и на Северном Кавказе посвящены материалы десятков международных, всероссийских и региональных научно-практических конференций, написано множество персональных и коллективных монографий, статей, проведены «круглые столы», перечень которых мы не будем здесь приводить.

Хотя, справедливости ради, необходимо отметить, что религиозно-политический экстремизм связан не только с исламом. Не секрет, что в деятельности и других религиозных конфессий обнаруживаются серьезные признаки экстремизма, подтверждением чего являются известные события в Шри-Ланке, прекращение деятельности на территории РФ Церкви Свидетелей Иеговы, Аум Синрике, Белого Братства, общества сайентологии и других религиозных и псевдорелигиозных общин.

Сказанное вовсе не означает, что экстремизм проявляется только в этнических и религиозно-политических сферах. Сам термин «экстремизм» (от лат. *extremus* – крайний, чрезмерный) означает приверженность к предельным взглядам и схемам в оценке различных фактов и событий социального и духовного бытия. Именно такой смысл имеет это понятие и в математике, логике, социально-политических и гуманитарных науках. Такие крайности и пограничные состояния могут обнаруживаться во всем, что имеет свои границы, и естественно, имеет все, что составляет материальное и духовное бытие. Следовательно, в глобальном значении экстремизм выступает как нарушение определенной меры в пределах данной реальной или воображаемой границы. Поэтому можно сказать, что экстремизм выступает индикатором состояния этой воображаемой или реальной границы, какой бы условной и изменчивой она ни была. Нарушение и деформация этих границ во многом связаны с формированием конфликтных ситуаций в самых различных сферах жизни общества и человека. Это означает, что содержательное определение экстремизма часто зависит от нашего понимания смысла этой воображаемой границы между различными культурами и субкультурами, хаосом и порядком, стабильностью и нестабильностью, разрешенным и запрещенным (Жижек, 2005, стр. 136).

Это означает, что экстремизм может проявляться в самых различных общественных сферах, где абсолютизируется какая-то одна модель видения мира, одна матрица мышления и поведения, один вариант общественного и государственного обустройства, один оценочный вектор событий, одна метрика истинности знания, одна идеологическая конструкция или мифологема, одна символика конфессионального и этнического опыта, как единственно правильная и приемлемая. Таким образом, экстремизм выступает как проявление монополизма, в чем бы он ни проявлялся: в культуре, познании, мышлении, оценочном отношении к миру, поведении и т.д. Это – с одной стороны.

С другой же стороны, если брать явление экстремизма в философском, глобальном плане, то необходимо заметить, что здоровый, позитивный экстремизм в самых разнообразных формах и проявлениях присутствует в каждом из нас, поскольку человек так устроен, что всегда стремится выйти за пределы своего «Я», своей идентичности, в чем бы она ни проявлялась. В этом плане мы все, можно сказать, «экстремалы». Такой позитивный экстремизм сопровождает нас всю жизнь, и в определенной мере история человечества и его будущее без него немыслимы. То есть экстремизм означает выход за пределы устоявшейся нормы, он неизбежен и может проявляться в самых различных сферах – политике, экономике, идеологии, культуре, религии, этнических отношениях, науке, а также в разнообразных формах – в сознании, и поведении людей. На этот счет у нас есть даже шутка: если как-то живешь в наше непростое время – ты экстремал; если же не согласен так жить, то ты экстремист.

Например, мировая и отечественная история богата примерами научного, а точнее, *антинаучного экстремизма*, таких как массовые гонения со стороны средневековой инквизиции в отношении разума и науки; радикальные действия апологетов Пролеткульта; «философские пароходы», на которых изгонялись сотни неугодных деятелей науки и культуры; уничтожение генетики и кибернетики как «продажных девок» империализма и другие. Нашумевшие «дело военспецов», «дело врачей» и другие экстремистские идеологические и политические кампании имели непоправимые последствия для развития науки и культуры в Советском Союзе.

Часто также говорят об *экономическом экстремизме* во внутренней политике, направленной на устранение многообразия и установления монополии какой-то одной формы собственности или одного субъекта хозяйствования. Он проявляется в претензиях установления полного государственного контроля за экономической деятельностью или, напротив, в полном отказе от механизмов государственного регулирования.

Сейчас мы свидетели наличия экономического экстремизма, особенно со стороны руководства США и некоторых членов Евросоюза, когда через всевозможные санкционные механизмы и стратегию изоляционизма принуждают Россию к определенным моделям внутренней и внешней политики.

Западные исследователи приводят и совсем непривычные для нас формы экстремизма: например, такую ее разновидность, как *виджислантизм* – экстремистскую форму индивидуального активизма по защите существующего порядка насильственными средствами (Hoffman, Rosenau, Curiel, Zimmermann, 2007, p. 669), сочетающего в себе черты религиозного, политического, этно-национального радикализма; экстремизм *милленаранистских культов* в классификации Д. Норикса, имеющий все признаки религиозно-политического и культурного экстремизма (Noricks, 2009, p. 53).

О КУЛЬТУРНОМ ЭКСТРЕМИЗМЕ

Речь в данной статье пойдет о различных проявлениях экстремизма и радикализма в культуре. Для предметного и содержательного анализа этого явления необходимо прежде всего предварительно обрисовать контуры самого понятия

«культура». Философам и культурологам хорошо известно о сотнях вариантах понимания термина «культура». В широком смысле культура – это предельно емкое понятие, включающее все, что вообще связано с человеческой деятельностью: в экономике, политике, поведении, общении, во всех измерениях материального и духовного бытия. Нас в данной статье интересует более узкое, традиционное и обыденное понимание культуры, когда она ассоциируется с духовностью и творческим измерением человека и его деятельности.

В самом первом приближении в качестве определяющего признака культурного экстремизма можно считать наличие всевозможных механизмов физического и духовного давления на человека, насилия по отношению к человеку, принуждающих его к строго определенной оценочной метрике мышления и поведения. Философам, политологам, культурологам и конфликтологам хорошо известно о существовании термина «культурное насилие», под которым понимаются все механизмы принуждения в духовной культуре, включая науку, искусство, идеологию и общественную психологию, религию и т.д., которые используются для осуществления прямого и скрытого давления на человека и его поведение (Галтунг, 2002, с.101).

Таким образом, как бы парадоксально это ни звучало, можно сказать, что культура делает насилие легитимным инструментом утверждения человеческой и социальной идентичности, используя все доступные ей инструменты: систему ценностей, религию, мораль, право, идеологию и другие. Следовательно, уже в основаниях человеческой социальности содержатся объективные условия для экстремистских проявлений. Получается, что экстремизм вовсе не есть изобретение XX или XXI века, а являет собой порождение любой культуры, если хотите, ее «изнанкой» и «оборотной стороной». Поэтому, коль скоро экстремизм представляет собой проявление механизмов насилия в культуре, и основные ее детерминанты должны находиться внутри самой культуры, а не вне ее, как это часто бывает. В этом плане как элемент культуры экстремизм вписан в систему и внутренней и внешней, поэтому основные причины его проявления необходимо искать в самой культуре; они связаны с отрицанием устоявшихся культурных и духовных ценностей.

Нас экстремизм интересует исключительно как вид деятельности, противоречащий закону и общепринятой морали, где обнаруживается попытка отобрать у государства исключительное право на насилие, о котором мы говорили выше. Действительно, если рассматривать экстремистскую деятельность через метрику субъектно-объектного или, что более правильно, субъектно-субъектного взаимодействия, то получается интересная картина. Основными взаимодействующими и противоборствующими сторонами здесь являются, с одной стороны, индивидуальные или коллективные субъекты самой экстремистской деятельности, а с другой стороны – субъекты антиэкстремистской деятельности в самых различных конфигурациях. Вся сложность этой работы объясняется тем, что эти две субъектные стороны имеют различный социальный и правовой статус, заключающийся в том, что одна сторона призвана действовать в правовом поле, а

другая – выведена из этого правового поля и является противозаконной. Таким образом, межкультурное взаимодействие, в рамках которого они и проявляют себя, однозначно указывает на *неравенство* взаимодействующих субъектов, так как любой субъект, прибегающий к экстремизму, однозначно *исключается* из правовой системы, становится по ту сторону закона, которая исключает диалог как таковой.

Получается, что государство, как основной субъект антиэкстремистской деятельности, действует в рамках правового поля, тогда как субъекты экстремистской деятельности своими действиями исключаются из этого поля. Другими словами, государство обладает монополией на насилие в борьбе с экстремизмом законными средствами, тогда как насилие с противоположной стороны объявляется вне закона.

В этом плане экстремизм, как и терроризм, есть не что иное, как попытки отобрать у государства эту легитимную монополию на насилие и передать это право отдельным людям или общественным группам вне всякого участия государства и его правоохранительных органов.

Речь в дальнейшем пойдет о различных проявлениях экстремизма и радикализма в духовной культуре. Проблема заключается в том, эта сфера проявления экстремизма и радикализма слабо регламентирована. Например, в перечне деяний, подпадающих под признаки экстремизма, согласно Закону об экстремизме, сфера духовной культуры вообще не упоминается. Мы в последнее время неоднократно сталкивались с проявлениями культурного экстремизма. Разве можно утверждать, что шумиха вокруг проката фильма «Матильда» не выходила за пределы чисто теоретического или культурологического дискурса? Или как оценить попытку террористического взрыва во время концерта Филиппа Киркорова в июле 2017 г. в Махачкале? Следствие еще до сих пор не завершено, не совсем ясна мотивационная часть преступления: это махровая и беспредельная уголовщина или имеется культурно-идеологическая подоплека, связанная с попыткой навязать определенные культурные, художественные и эстетические стандарты, не совпадающие с исламской идентичностью, а может быть, имеются определенные социально-политические и идеологические цели?

Намного труднее бороться с проявлениями экстремизма в разнообразных сферах духовной культуры, чем с религиозно-политическим экстремизмом, целевые задачи которого формулируются открыто и заявляются в программных формулировках. Это связано с тем, что культурный экстремизм часто проявляется завуалированно, скрытно, без четких идеологических лозунгов, да и рассчитан он на более образованного и интеллектуально подготовленного человека.

В связи с этим необходимо также отметить, что раньше экстремизм и терроризм имели четкую идеологическую подоплеку, связанную с политической, духовной и идеологической борьбой различных социальных систем и конфессий. Это мы хорошо знаем из истории. Можно сказать, что процесс деидеологизации, о которой много говорили советник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский и другие западные политики и ученые, затронул и экстремистскую деятельность. За тем или иным проявлением экстремизма уже не просматривается

четкая идеологическая, социально-политическая или духовно-ценностная платформа. Часто цель экстремистской идеологии и деяния состоит не в том, чтобы объяснить и преобразовать мир, что было характерно в прошлом для любой идеологии, а, чтобы *радикализировать* этот мир. Такое восприятие экстремизма ведет к росту случаев *немотивированного*, спонтанного насилия, что в еще большей степени усугубляет существующие противоречия.

Необходимо отметить, это обстоятельство затрудняет борьбу с таким экстремизмом; если бы у него была четкая политическая, идеологическая или культурная программа, с ним было бы легче бороться, поскольку мы знаем их концепцию, цели и задачи. Часто имеет место «экстремизм ради экстремизма», «терроризм ради терроризма»: они уже не имеют изначально им присущей идеологической и политической окраски.

Определение границ и признаков экстремизма в сферах духовной культуры и искусства – задача чрезвычайно сложная, поскольку необходимо найти тонкую грань между правовой нормой, пределами допустимого и свободой индивидуального творчества. В этом плане методологически важным является определение границ экстремизма, за пределами которой это уже будет иная форма деятельности: творческая индивидуальность автора, оппозиционная деятельность, критика, момент дискуссии и концептуальных споров, радикализм, терроризм, уголовные действия, немотивированная агрессия и т.д. Такая спецификация экстремизма и экстремистской деятельности – задача непростая, поскольку эти понятия настолько динамичные, что за последние десять-пятнадцать лет они много раз содержательно и объемно существенно изменялись. Это объясняется не несовершенством законодательства или издержками исследовательской работы в этом направлении, а изменяющимися социально-экономическими, политическими и духовными процессами. Но, как отмечается в литературе, даже подробные определения не могут однозначно провести черту между экстремизмом и реализацией конституционно закрепленных граней человеческой и гражданской свободы. Поэтому существенная роль в этом вопросе относится к области судейского или экспертного усмотрения.

Нам представляется (и это является одним из мотивов написания данной статьи), что, когда в средствах массовой информации начинается кампания осуждения того или иного деятеля культуры, в том числе и с обвинениями в экстремизме, не всегда учитывается важнейшая 9 статья действующего Закона о культуре в РФ под названием «Приоритетность прав человека по отношению к правам государства, организаций и групп» следующего содержания: «Права человека в области культурной деятельности приоритетны по отношению к правам в этой области государства и любых его структур, общественных и национальных движений, политических партий, этнических общностей, этно-конфессиональных групп и религиозных организаций, профессиональных и иных объединений» (Основы законодательства РФ о культуре, 1992, ст. 9).

Данная статья является развитием статьи 2 Конституции РФ, в которой провозглашается, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Приоритетность и первенство культурных прав человека усиливается также 31 статьей Основ законодательства о культуре, по которой государство гарантирует невмешательство в творческую деятельность, за исключением случаев, если в процессе творческой деятельности допускаются нарушения законодательства, прав и свобод других лиц. Кроме того, здесь четко очерчиваются пределы вмешательства государства в творческую деятельность: если она ведет к пропаганде войны, насилия и жестокости, расовой, национальной, религиозной, классовой и иной исключительности или нетерпимости, порнографии и т.д.

Обращаем внимание также на то, что действующее законодательство устанавливает право на культурную самобытность в отношении не только отдельного индивида, но и народов, этнических и социально-демографических общностей.

Речь в дальнейшем пойдет о различных конкретных рецидивах *культурного* экстремизма, иногда приобретающих достаточно острые формы, об их объективных и субъективных причинах и путях преодоления этих проявлений. Например, как мы уже отмечали выше, ситуация вокруг показа кинофильма «Матильда» вышла далеко за пределы авторского творчества, эстетических и нравственных идеалов и нередко приобретала жесткие очертания со всеми признаками экстремизма. Пожар в культурном центре в Екатеринбурге, где планировался премьерный показ этого фильма, сожжение автомобиля адвоката режиссера, народного артиста РФ А. Учителя, острые высказывания известных депутатов – все это свидетельствует, что культурный экстремизм не закончился идеологией и практикой послереволюционного Пролеткульта.

Если брать региональный аспект культурного экстремизма, то на Северном Кавказе, в том числе в Дагестане, ситуация еще более острая. Достаточно перечислить немалое количество отмененных в последние годы различных культурных мероприятий, например: выступления Егора Крида, Элджея; показа ленты Love Yourself популярной среди молодежи корейской группы BTS. В ноябре 2018 г. был закрыт фестиваль азиатской культуры «Ani-Dag», посвященный комиксам, мультфильмам-аниме и азиатской культуре. Во время репетиций в здании Аварского театра в соцсетях стали распространяться призывы «не допустить разврат», «мочить неформалов». Участникам фестиваля пришлось спасаться бегством, проходя сквозь агрессивную настроенную толпу из полутора сотен человек, многие из которых были в футболках с логотипом сообщества «Имамат Дагестана» в Instagram.

Подтверждением наличия признаков экстремизма в культурной сфере является шумиха, поднятая в некоторых средствах массовой информации по поводу показа в столице Дагестана спектакля московской театральной группы «Охота на мужчин». Поражаешься бдительности некоторых наших защитников горской морали и этикета: в классическом итальянском спектакле, который показывается во всем мире, только они сумели увидеть угрозу для дагестанской и исламской идентичности и нравственности (Войцеховский, 2019). Возникает вопрос: неужели

такие слабые устои у нашей горской морали и менталитета, что им угрожают какие-то спектакли и фестивали?

Иногда наше желание оградить культуру от внешнего влияния и сохранить свою культурную идентичность доходит до смешного. Так, в свое время в Махачкале был отменен концерт популярного ансамбля готической музыки из Екатеринбурга Feosflorum совсем по курьезному поводу. Наши бдительные защитники морали, веры и отечественного менталитета перепутали средневековую музыкальную готику с субкультурой готов, чье поведение действительно несовместимо с исламом.

Наша республика – не единственный регион, где общество сталкивается с теми или иными подобными проявлениями культурного экстремизма. Подтверждением этому явилась достаточно бурная кампания, в которой участвовали авторитетные депутаты и сенаторы, по запрету проката фильма Павла Лунгина «Братство», в котором рассказывается о событиях в Афганистане в 1989 г. за несколько недель до вывода из этой страны советских войск. Главный аргумент сторонников запрета этого фильма к показу состоял в том, что там якобы солдаты и офицеры не всегда вели себя гуманно и морально, опровергая тем самым представление о советских воинах как о носителях высоких моральных и гуманистических идеалов. Хотя на официальной странице фильма на сайте компании Walt Disney Studios Sony Pictures Releasing утверждается, что в основе фильма лежат реальные события, сценарий писался по воспоминаниям самих участников этих событий и на основе архивных документов, страсти вокруг его проката и сроков премьерного показа продолжали долго будоражить общественность. При этом не учитывается то обстоятельство, что война сама по себе аморальна, даже если она ведется во имя высоких интернациональных идеалов, и ее невозможно иллюстрировать лишь черно-белыми цветами.

Подобные примеры встречались и раньше. Например, людям постарше памятны громкие запретительные призывы о представлении «Иисус Христос – суперзвезда», «Сказки о попе и работнике его Балде» и некоторых других.

В последнее время культурный экстремизм чаще всего проявляется в современном информационном пространстве, в сети Интернет. Например, здесь стали популярными всевозможные публикации, в которых проводится процедура публичного шейминга (пристыжения) людей – своеобразной современной виртуальной «порки» по аналогии с жестокими избиениями розгами или телесного наказания шпицрутенами. Для этого из аккаунтов в Instagram без всякого согласования с авторами публиковались фотографии девушек, не соблюдающих национальные культурные традиции одежды и внешнего вида. При этом на фотографиях закрашивались непокрытые части тела девушек, а родных призывали «разобраться» со своими родственниками, вплотную заняться воспитательной работой с ними и обучением исламскому этикету и дресс-коду. Желание защитить свою культурную идентичность, а также видеть своих землячек в соответствующей одежде и символике можно понять, но этого нужно добиваться гуманными средствами, не нарушая законов, не покушаясь на права и свободы личности.

Культурные традиции, в том числе ношение красивой национальной одежды, нужно сохранять и пропагандировать, но не через экстремистские механизмы, а прежде всего посредством продуманной культурной политики и воспитательной работой, без проявлений экстремизма и радикализма.

Не случайно паблик «Карфаген», который активно занимался таким «воспитательным» шеймингом, был внесен Роскомнадзором по представлению Генпрокуратуры в реестр запрещенных ресурсов, как содержащий экстремистские материалы.

Выражаясь языком *нетикета* и *сетикета*, в виртуальном общении категорически недопустим *троллинг* – издевательство, грубость, оскорбление, натравливание людей друг на друга, сознательно вызывающие у них негативное отношение к событию, манере поведения, образу мыслей и т.д.

Наглядным примером проявления культурного экстремизма является недавняя острая ситуация вокруг представительства Украины в конкурсе Интервидения, когда по совершенно надуманным причинам идеологического и политического порядка отказывают заслуженным людям представлять страну в конкурсе. После ряда отказов популярным исполнителям участвовать в конкурсном отборе дело даже шло к тому, что Украина вообще откажется от участия в этом конкурсе. Имеет все проявления культурного экстремизма также официальная украинская запретительная политика в отношении использования русского языка в общении и образовании.

Иногда и здесь дело доходит до казусов: например, когда популярную совершенно безобидную песню Наташи Королевой (Н. Порывай) «Маленькая страна» СБУ несколько лет назад посчитала имеющей признаки экстремизма, и певице даже было отказано во въезде в Украину в течение пяти лет. Хотя это решение позднее было отменено, Наташа Королева обратилась в Европейский суд по правам человека с целью доказать противозаконность подобных действий украинских властей. Смешно и поразительно, что в этой песне речь идет о маленькой волшебной стране, где «душе светло и ясно, где всегда весна». Во-первых, по «размерам» ни Россия, ни Украина точно не подходят под эту метафору. Во-вторых, там нет никакого, даже косвенного, намека на Россию или на какую-то иную страну, нет даже указания на какую-то особенность, позволяющую слушателю догадаться, о какой стране в песне идет речь. В-третьих, скорее наоборот, поскольку автором текста является Илья Резник, а музыки – И. Николаев, оба россиянина, то вполне логично предположить, что здесь речь может идти о любой другой стране, кроме России (ею вполне может быть и Украина). Так что скорее российская сторона может выдвинуть претензии в отсутствии патриотизма и в стремлении найти эту волшебную страну не у себя дома, а на стороне.

У этих и многих подобных примеров есть одна общая особенность, по которой они безоговорочно относятся к проявлениям культурного экстремизма. Она выражается в крайне неэффективной запретительной стратегии по отношению к конкретным культурным феноменам. Мы много раз убеждались в том, что такая запретительная установка губительна во всех областях жизнедеятельности, но

особенно она провальна в сферах духовной культуры: искусстве, литературе, науке. Тем не менее, к великому сожалению, она продолжает действовать и мешать продуктивному культурному процессу.

К чему привели всевозможные препятствия для знакомства с некоторыми работами Бунина, Замятина, Булгакова, Пастернака, Эринбурга, Гроссмана, Солженицына, Набокова, Гинзбурга, многих поэтов Серебряного века? Разве это помешало читателям познакомиться с ними? Тем более это невозможно в современный информационный век. Запретительные меры контрпродуктивны, напротив, они только поднимают интерес читателей, которые правдами и неправдами находят возможность познакомиться с ними. Ведь давно доказано: пропорционально запретным механизмам в различных сферах культуры растет популярность и обостряется интерес к ее творениям. И наоборот, чем больше их нам навязывают книготорговцы, тем сильнее ослабевает к ним интерес. Сказанное в отношении литературы и поэзии относится ко всей духовной культуре.

Подобная запретительная стратегия и тактика в организации культурного процесса малоэффективна еще потому, что в этом выражается недоверие к интеллекту, идейной и нравственной подкованности современного человека, недооценка его когнитивных и оценочных способностей. Он уже многократно доказывал свои способности и умения правильно осмысливать глубинные механизмы исторических и культурных событий. Кто-кто, а российский гражданин, зритель, читатель, слушатель в состоянии сам разобраться в сложной драматургии и психологических нюансах отечественной истории и культуры. Даже в жестких идеологических и политических условиях тоталитаризма эту способность он много раз доказывал. Тем более он это сможет осуществить сейчас, в век культурной, политической, информационной свободы и демократии.

Начинать устранять питательную почву для проявлений культурного экстремизма можно и нужно не через запретительную политику, а путем формирования нового мышления, предполагающего переход от двоично-дихотомической, разделительной матрицы на основе известных логических законов противоречия и «исключенного третьего», направляющих мыслительный процесс по альтернативной траектории «или-или», к инклюзивному мышлению, открывающему многомерность и многополярность современного мира и культуры, где преодолеваются все крайности и противоположности (Магомедов, 2018, с. 128-132). Применительно к культуре это означает переход от эксклюзивной, разделительной метрики ее организации к инклюзивной культуре, на базе которой формируется толерантное мировосприятие, единственно допустимое в условиях мультикультурализма, допускающего все культурные формы, не противоречащие закону, гуманизму и нравственности.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Таким образом, экстремизм, пусть не такой воинственный по сравнению с религиозно-политическим радикализмом или этноцентризмом, имеет место и в культурном пространстве. И мы не случайно обращали внимание на законодательные механизмы управления современным культурным процессом.

Отношение к различным феноменам культуры, в том числе экспертные оценки конкретных воплощений на предмет наличия в них признаков экстремизма, не может быть субъективным, произвольным, а должно осуществляться с учетом этих и других законодательных актов, в которых однозначно подчеркивается первенство и приоритетность прав и свобод отдельной творческой личности.

References

Boris Voitsekhovsky. "To kill and burn this scum" [Electronic resource] // <http://lentka.com/a/802205/1/> (in Russian).

Galtung J. Cultural violence. Conflicts: theory and practice of resolution / Under the general editorship of E. Yu. Sadovskaya, I. Yu. Chuprynina. In 3 t. T. 3. - Almaty, 2002. (in Russian).

Zizek S. Inter-passivity. - St. Petersburg: Aleteia, 2005. (in Russian).

Magomedov K. M. About the exclusive and inclusive metric of the organization of culture // Dialog of cultures in the globalizing world: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation). / Edited by V. E. Manapova, O. S. Mutieva.- Makhachkala: ALEF, 2018. pp. 128-132. (in Russian).

On information, information technologies and information protection. Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006. <https://base.garant.ru/12148555/>

On countering extremist activities. Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002. <https://base.garant.ru/12127578/> (in Russian).

Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on culture (with amendments and additions). Law of the Russian Federation of 09.10.1992 N 3612-I. <https://base.garant.ru/104540/> (in Russian).

On the National Security Strategy of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation of 31.12.2015 N 683 <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71196054/>. (in Russian).

Strategy for countering extremism in the Russian Federation until 2025. Federal Law No. Pr-2753 of November 28, 2014 (as amended on 29.05.2020) <https://legalacts.ru/doc/strategija-protivodeistvija-ekstremizmu-v-rossiiskoi-federatsii-do/> (in Russian).

Noricks D.M.E. The Root Causes of Terrorism [Electronic resource] / D.M.E. Noricks // Social Science for Counterterrorism: Putting the Pieces Together / Paul K. Davis, Kim Cragin, Darcy Noricks et al. – RAND Corporation, 2009. – Chapter 2. – P. 53. Режим доступа: <http://www.rand.org/pubs/monographs/MG849/>

The Radicalization of Diasporas and Terrorism [Electronic resource] / B. Hoffman, W. Rosenau, A.J. Curiel, D. Zimmermann // Radicalization, Terrorism and Diasporas: International Conference by the RAND Corporation and the Center for Security Studies, ETH, Zurich 30-31 March 2006, Washington, D.C. – RAND Corporation, 2007. – P. 669. Режим доступа: http://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF229.

Для цитирования: Гаджиев М.М., (2021). О культурном экстремизме и путях преодоления его проявлений *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, (2), 67-80.

DOI 10.21672/2713-024X-2021-2-1-067-080

Список литературы

Войцеховский, Б. *«Зарезать и сжечь эту мразь»*. Получено из <http://lentka.com/a/802205/1/>

Галтунг, Й. (2002). *Культурное насилие. Конфликты: теория и практика разрешения* / Под общ. ред. Е. Ю. Садовской, И. Ю. Чупрыниной. В 3-х т. Т.3. Алматы.

Жижек, С. (2005). *Интерпассивность*. СПб: Алетейя.

Магомедов, К. М. (2018). Об эксклюзивной и инклюзивной метрике организации культуры. *Диалог культур в глобализирующемся мире: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием)* / Под редакцией В.Э. Манаповой, О. С. Мутиевой. Махачкала: АЛЕФ, 128-132.

Об информации, информационных технологиях и о защите информации. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ. Получено из <https://base.garant.ru/12148555/>

О противодействии экстремистской деятельности. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ. Получено из <https://base.garant.ru/12127578/>

Основы законодательства Российской Федерации о культуре (с изменениями и дополнениями). Закон РФ от 09.10.1992 №3612-1. Получено из <https://base.garant.ru/104540/>

О стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 31.12.2015 №683. Получено из <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71196054/>.

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. Федеральный закон от 28 ноября 2014 г. №Пр-2753 (ред. от 29.05.2020). Получено из <https://legalacts.ru/doc/strategija-protivodeistvija-ekstremizmu-v-rossiiskoi-federatsii-do/>

Noricks D.M.E. The Root Causes of Terrorism [Electronic resource] / D.M.E. Noricks // *Social Science for Counterterrorism: Putting the Pieces Together* / Paul K. Davis, Kim Cragin, Darcy Noricks et al. – RAND Corporation, 2009. – Chapter 2. – P. 53. Режим доступа: <http://www.rand.org/pubs/monographs/MG849/>

The Radicalization of Diasporas and Terrorism [Electronic resource] / B. Hoffman, W. Rosenau, A.J. Curiel, D. Zimmermann // *Radicalization, Terrorism and Diasporas: International Conference by the RAND Corporation and the Center for Security Studies, ETH, Zurich 30-31 March 2006, Washington, D.C.* – RAND Corporation, 2007. – P. 669. Режим доступа: http://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF229.